

Блок 7

Сегодня - 1995 - 22 дек - с. 10

Реабилитация авангарда

«Русский авангард 1910—1930-х из собрания Георгия Костаки» в Афинах

Александра Шатских

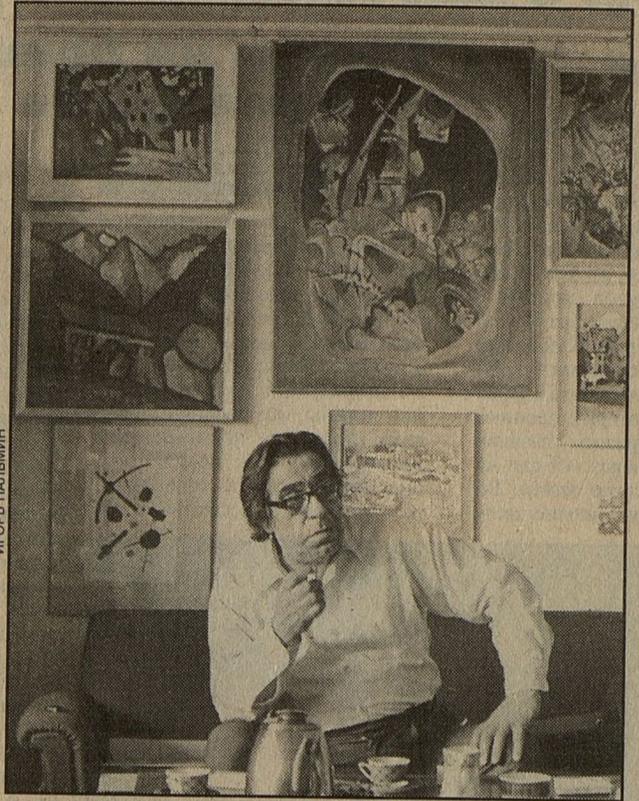
Георгий Дионисович Костаки ушел из жизни пять лет назад, в разгар всемирного интереса к русскому авангарду. Деятельность собирателя к тому времени насчитывала более полувека: все перипетии собственной судьбы он описал в книге «Мой авангард. Записки коллекционера» (1993), изданной посмертно в Москве. Костаки, происходя из семьи обрусевших греков, формально был иноземным подданным, хотя родился и провел большую часть своего века в России. Вскоре после войны поклонник малых голландцев повстречался с картиной никому не ведомой тогда Ольги Розановой (1886—1918). Призвание, внезапно обрушившееся на благополучного работника канадского посольства, превратило его в одержимого собирателя-проповедника. Ныне имя Костаки занимает достойное место в ряду великих коллекционеров XX века — Амбруаза Воллара, Сергея Шуккина, Ивана Морозова, Альфреда Барра, Катрин Драйер... Но и среди них московскому собирателю отведена уникальная роль — ни одному из выдающихся его собратьев не пришлось спасать предмет своих увлечений от реальной, физической гибели. Костаки же было уготовано находить и сохранять то, что без него исчезло бы с лица земли.

Продолжая традиции Шуккина, в начале века открывшего свой особняк с собранием работ новейших французских живописцев, Костаки любил показывать посетителям коллекцию, развешенную на стенах двух спаренных квартир обыкновенного дома-новостройки на проспекте Вернадского. Сверхконцентрация шедевров в квартирном музее была поразительной — в итоге, после вынужденного «взрыва» этого спрессованного ядра, во многих странах образовались видные коллекции русского авангарда. Д. В. Сарабьянов мог знакомить своих университетских учеников с запретным искусством только у Костаки, и автору этих строк пришлось однажды слышать любимую приказку собирателя: «Россия — Эльдorado для коллекционеров». Энтузиазм, финансовая свобода и неустанные вечные поиски закономерности привели к тому, что именно у Костаки оказался самый большой, самый чистый, самый ценный урожай «золотых слитков» отечественного левого искусства. Власть предрешающие хорошо понимали крамольную суть этой собирательской деятельности. «Формально иноземного» гражданина сумели дожать, и в 1977 году Костаки вынужден был отбыть на историческую родину. Перед отъездом Георгий Дионисович совершил поступок, почти немислимый для прирожденных коллекционеров: по своей воле он разделил собрание на две неравные части: 20% было увезено, 80% подарено России; единственным условием пожертвования стала просьба указывать на этикетках картин «Дар Г. Д. Костаки». То, что было увезено, частично осело в музеях и галереях Парижа, Нью-Йорка, Кельна, Лондона, Женевы. И неизвестно, чем в большей мере были вызваны эти продажи — стремлением достойно содержать огромную семью или желанием видеть своих кумиров в самых престижных собраниях мира.

Нынешнее мероприятие в Афинах — долгожданный оммаж Костаки. Жаль только, что после смерти. Идея выставки (собрать все шедевры из прежней московской коллекции Костаки) как бы лежала на поверхности, и на Западе не однажды покушались на почетное начинание, да львиная доля коллекции находилась в России. В отечественных же музеях, прежде всего в щедро одаренной Третьяковке, почему-то не рождалась мысль о благодарном жесте. Человеком, взлелеявшим и осуществившим давно назревший проект, оказалась прекрасная женщина с нестигаемой волей, афинянка Анна Кафетци. Она словно переняла от Костаки его одержимость — лишь при постоянной страстной заинтересованности можно было столь самоотверженно искать спонсоров, столь упорно вести нелегкие переговоры со многими музеями мира в течение не одного года. Помимо людей, по долгу службы призванных содействовать Анне Кафетци, большую помощь оказали наследники Костаки, особенно его дочь Алики.

Выставка занимает два обширных этажа Национальной галереи. Остроумная экспозиция греческих дизайнеров позволяет не мешать, не перебивать друг друга колоритным, темпераментным полотнам и карандашным лабораторным рисункам, книжной графике. Анна Кафетци справедливо видела свою миссию не только в том, чтобы увековечить память Костаки, — куратору было важно показать согражданам русский авангард как таковой. Репрезентативную полноту выставки усиливают подвесной рельеф Александра Родченко и знаменитый Летатлин, недавно восстановленные пространственные объекты конструктористов и архитектор Казимира Малевича.

Масштабная экспозиция в Афинах видится своеобразной реабилитацией русского авангарда. Идеологи-концептуалисты «Великой утопии», колоссальной выставки из числа обобщающих мероприятий fin de siecl'я, считали, что они подводят итог и выносят приговор русскому авангарду, «виновнику и участнику» становления тоталитарного режима в СССР. В Греции, надо отметить, не прошли мимо популярных проблем общественно-бытового левого искусства, озвучив, к примеру, музейную выгородку с пропагандистскими плакатами Густава Клуциса актерским голосом, с металлическими интонациями читающим

ИГОРЬ ПАЛМИН

КОСТАКИ В СВОЕЙ МОСКОВСКОЙ КВАРТИРЕ

по-русски убойные цитаты из трудов советских вождей. Однако, в отличие от «Великой утопии», новокожонктурная тенденциозность отнюдь не доминирует в афинской экспозиции. Русский авангард в просторных залах Национальной галереи предстает явлением, одарившим мир небывалыми пластическими идеями, поистине титаническими индивидуальностями. В ту эпоху любили рассуждать о множественности пространств — многообразные «новые измерения» реализованы были в искусстве воочию. Открытия Малевича, его «новая мера» не отменяют художественных миров Василия Кандинского, Марка Шагала, Владимира Таглина, Павла Филонова и vice versa. А те, кто, казалось бы, идет вослед великим, прежде всего бесстрашные amazonки русского авангарда — Любовь Попова, Ольга Розанова, Александра Экстер, Надежда Удальцова — демонстрируют такой уровень одаренности, такие могучие варианты нового искусства, что понимаешь: им просто не повезло, благодать первородства пролилась и так уже на многих, как никогда больше в русском искусстве.

Второй немаловажный «реабилитирующий» аспект афинской выставки — ее чистота. К сожалению, мировое признание русского авангарда сопровождается тягостными скандалами и унижительными происшествиями. То буют незавидные страсти вокруг непонятно откуда взявшихся новодельных работ в солидном музее на солидной выставке, то специалисты признают фальшак в самом дорогом лоте престижного аукциона. Примеры можно множить и множить. «Русский авангард из коллекции Георгия Костаки» позволяет немного передохнуть (к чести мужественного куратора, атрибуция некоторых работ — одной-двух, не более — приведена со знаком вопроса).

Весь необъятный материал пластического наследия мастеров авангарда структурирован в Афинах с помощью стилистически-направленческих категорий — как представляется, в этой чуть вельфлиановской концепции есть здоровая академичность, которой настоятельно требует презентация уже устоявшихся, признанных художественных ценностей.

Выставка сопровождается каталогом на греческом и английском языках. Он издан в двух томах, автором концепции и составителем является все та же героическая Анна Кафетци; ее перу как исследователя принадлежит ряд текстов каталога. Под крышкой семисотстраничного первого тома собраны статьи ведущих специалистов, ученых из России, Америки, Германии, Франции, Англии, Греции. Во втором томе помещены архивные документы и материалы, многие из которых публикуются впервые.

На торжественном открытии экспозиции в Афинах присутствовал президент Греции Костис Стефанопулос. Это был праздник воистину международного размаха, поскольку на вернисаж приехала внушительная делегация исследователей и музейщиков из Москвы, Санкт-Петербурга, Нью-Йорка, Франкфурта, Мюнхена, Парижа. Значимость выставки была оценена профессионалами незамедлительно: кураторы разных музеев мира уже обсуждают очередность ее гастролей в своих странах.